

Николай Васильевич Селихов

Независимый исследователь, кандидат юридических наук

E-mail: selihovnv@mail.ru

Народовластие — право коллективных субъектов¹
(концептуальный взгляд)
Часть I

***Аннотация:** актуальность предложенной работы обусловлена проблемой социального противостояния в государстве. Ее причина кроется*

¹ Коллективные правосубъекты, не относящиеся к социальным общностям, в статье не исследуются.

в противопоставлении интересов политического представительства, гражданского общества и индивида. Поиск основания решения данного вопроса составляет цель исследования. Предметом исследования выступают установление конституционно заявленного политико-правового режима народовластия и необходимость признания народа правящим коллективным правосубъектом. В связи с этим предлагается заменить доминирующие в юридической науке позитивистские воззрения социально-правовым подходом, прибегнуть к научно-эволюционной познавательной конструкции формирования обновленных знаний о правлении народа. Этим предопределено использование системного, диалектического и иных методов. Новизна исследования заключается в авторском обосновании современной народно-демократической доктрины, раскрытии концептуальных теоретических положений о правосубъектности социальных общностей, ее структуре, особенностях правового освоения теории на уровне юридической догмы и практической юриспруденции. Результаты исследования направлены на переосмысление теоретических взглядов о сути современного государства и роли народовластия в укреплении его единства, совершенствовании прикладного категориального аппарата и нормативных установлений.

Ключевые слова: народ, народовластие, публично-правовая общность, субъект права.

Nikolaj Vasil'evich Selikhov

Independent researcher, Candidate of Juridical Science

Democracy As The Right Of Collective Subjects (Conceptual Approach) Part I

Annotation: *the relevance of the present research is connected to the problem of social opposition in state. It is caused by contradistinction between political representation, civil society and individual. The article is aimed to search basis of solving this issue. The subject of the research is the establishment of a constitutionally declared political-legal regime of democracy and the need to recognize the people as the ruling collective legal subject. In this regard, it is proposed to replace the positivistic views dominating in legal science with a socio-legal approach, to resort to the scientific-evolutionary cognitive structure of the formation of updated knowledge about the government of the people. It explains the use of systematic, dialectical, and other methods. The novelty of the research reveals the author's explanation of modern national democratic doctrine, determination of conceptual theoretical thesis concerning legal personality of social communities, its structure, and peculiarities of legal theoretical learning at the level of juridical doctrine and practical jurisprudence. The results of the study aimed to reconsideration of theoretical views on the nature of modern society and role of democracy in it's strengthen; and to improvement of applied categorical apparatus and normative provisions.*

Keywords: *nation, democracy, public law unity, subject of law.*

Четверть века прошло с момента принятия последней конституции России, облик страны сильно изменился, сформировался принципиально отличный от советского политико-правовой режим. Казалось бы, план институционального развития государства одобрен общенародно, выстроена трехконтурная архитектура публичного управления (федеральные и региональные органы государственной власти и местное самоуправление), воздействующая

на социальные отношения через механизм распределения полномочий. Однако важнейший вопрос о правящем субъекте так и остался формально непроясненным.

Кто сегодня определяет формы и способы управления общественными делами? Действующее в режиме «свободного мандата» политическое представительство или избирающий его народ?¹ Вопросы эти неспроста, ибо ответы на них подспудно вскрывают причину социальной напряженности, вызванной противопоставлением трех столпов современной государственности: народных избранников (выборной аристократии [1, с. 109]), широких народных масс и гражданина. Отсюда целью данной работы выступает поиск основания решения проблемы социального противостояния. Наука с ней так и не разобралась, увязла в попытках обосновать выдвинутое когда-то предположение об *универсальности* политического представительства в самоопределении и самоуправлении народа в государстве. Оно и сегодня воспринимается более юридической, чем социально-правовой конструкцией. Мы же до сих пор считаем, что граждане, конституционно передав право на власть выборным, таким способом самочинно решают свои проблемы.

Появившиеся на этой почве доктринальные догматы о государстве — самостоятельном субъекте права и непризнании таковым народа, а также возведение прав и свобод гражданина в ранг абсолютной ценности, стали догматами юрико-правовыми. В итоге, государство искусственно оторвано от социальной общности, отождествлено с властными органами (либо воспринимается продуктом их воли), а народ стратифицирован до уровня действующих в совпадающем интересе свободных индивидов. Возникшая на этой почве модель регулирования публичных отношений строится на *объективном праве государства* генерировать обязательные правовые предписания и *субъективном праве гражданина* отстаивать свои правовые возможности. *Праву народа* места в ней не нашлось.

В сложившейся нормативно-доктринальной парадигме вести поиск ключа к политико-правовому единству граждан бесполезно. Свободное политическое представительство так и не стало полноценной заменой общественного самоуправления. Никому не удалось теоретически доказать и практически наблюдать тождество воли независимых избранников и выдвинувших их граждан. По этой причине нужна коррекция господствующей научной доктрины о способе общественного управления. Соответственно, необходимо пересмотреть представления о государстве и народе на уровне категорий *сущность* и *явление*, по сути, — *содержания* и *формы*. Ныне повсеместно практикуемые трактовки юридического позитивизма для этого не подходят, т. к. сознательно поляризуют их, признавая одно источником права и правящим субъектом, а другое объектом управления.

При этом совершенно очевидно, что государство не есть независимо существующая от народа субстанция, но публично-правовая форма организации гражданского общества (государственного общества [2, с. 64]). Противопоставляя их, мы противопологаем *форму* и *содержание*, искусственно разрушаем объективную взаимосвязь между ними.

¹ Здесь и далее по тексту понятие «народ» употребляется в этатистском значении.

Данный взгляд на государство не нов, но он логически подчеркивает слабую аргументацию легистов, воспринимающих таковое то юридическим лицом, то юридическим отношением, то правовой корпорацией, системой правосубъектов и т. п. Многоликость государства в этой традиции устоявшейся диспозиции не исправляет, ведь для нее важнее знать, от кого нормативно исходит властная принудительность [3, с. 9], но не решить, кто же должен формировать ее социальный образ и руководящий инструментарий.

Отсюда следует, что в практическом плане патовую ситуацию с социальным противостоянием можно разрешить лишь через установление политико-правового режима народовластия, устроенного по модели *коллективного самоуправления народа (народного самоуправления)*. В нем народ проявит себя демиургом *содержания* правовых предписаний, а для большинства граждан отстаивание правовых возможностей превратится в их осознанное использование. Миф? При определенных условиях такой сценарий социального обустройства вполне реален.

Два шага к этому: 1) раскрывая конституционный принцип народного суверенитета, нужно воспринимать народовластие с позиции обновленной и теоретически развернутой народно-демократической доктрины; 2) признать народ базовым коллективным правосубъектом (первосубъектом), напрямую формирующим публично-правовой режим общественного управления.

Обосновать необходимость предлагаемых мер для понимания народовластия представляется задачей данного исследования. Разворачивая ее, попутно попытаемся сформулировать аутентичные современным представлениям и относимые к народовластию отдельные понятия и принципы, определить реперные точки для их последующего переосмысления на доктринальном и теоретическом уровнях.

Переосмысление доктрины. Исходным доктринальным положением народовластия выступает принцип народного суверенитета. Мысль эта аксиоматична и, вероятно, коренится еще на воззрениях Платона о *единстве* формы (первородной идее).

Воспринимая ее через *учение* концептуальным предположением о свойствах и связях исследуемой действительности, в области познания народовластия мы сталкиваемся с различающимися по подходу попытками раскрытия содержания указанного принципа в теоретической и практической плоскостях. В научной реальности они проявились в принципиально отличных учениях: либерально-демократическом, народно-демократическом и социалистическом (коммунистическом). Называть их производными от какой-то «материнской» доктрины нельзя, т. к. последней не существует. Каждое из учений по-своему обосновывает или отрицает возможность восприятия народа самостоятельным коллективным субъектом права и категориально конкретизируется следующими в их канве теориями.

Либерально-демократическая доктрина коллективной правосубъектности народа не признает, ибо он не представляется ею *единой* социально-правовой общностью, но стратифицированной до уровня отдельных групп и индивидов *совокупностью*. Такую же позицию занимают все придерживающиеся ее теории («свободного» политического представительства, парламентаризма,

элит и т. п.). В них народ никогда и ни при каких условиях не достигает степени социального единства, достойной совместного решения гражданами общих дел. Политическое представительство выступает универсальным средством их публичного взаимодействия, воля которого становится официальным источником позитивного права. Данная традиция полноценного народного самоуправления на уровне государства не предполагает.

Социалистическая доктрина и развитая на ее базе теория воспринимают народ *исторически изменяющейся общностью* людей и не всегда признают его коллективным правосубъектом. Причина этого кроется как в неблагоприятном прогнозе их сторонников относительно исторических перспектив таких явлений, как государство и право, так и в сложности научного восприятия правосубъектности народа. Считая социалистическое государство лишь прелюдией будущей коммунистической формы человеческого общежития, они изначально разделили народ на правящее большинство и управляемое меньшинство, а в дальнейшем — на дружественные трудящиеся классы (рабочих и крестьян). До наступления коммунизма его полного социального и идеологического единства не ожидалось. Попутно возникли споры о самой структуре правосубъектности народа и содержательном наполнении ее элементов [4, с. 44–45].

Однако историческая общность, пусть и обладающая выраженным свойством коллективности, все же не является единой правосубъектной общностью. В данной традиции этот факт не определяющий, ведь государство и право как социальные инструменты в коммунистическую эпоху неизбежно отомрут, подтверждая тем самым постулат: подлинное самоуправление единого советского народа возможно лишь в коммуне — новой форме общественного бытия, пребывающего вне государства.

Думается, несмотря на заявленную стратегическую цель общественного развития, решение проблем коллективной правосубъектности в социалистическом государстве и праве увязывалось с курсом официальной доктрины не столь категорично, ибо особый общественно-политический статус отдельных социальных общностей (классов, общественных объединений) имел вполне конкретные юридические очертания (социальное происхождение, товарищеские суды в трудовых коллективах, общественное поручительство и мн. др.), а некоторые государствоведы даже причисляли их к субъектам государственного права, но по очень специфичному основанию: если таковыми их признавал закон.

Можно ли развивать идею народного самоуправления на основе классических либерально-демократических и социалистических доктрин и теорий? Полагаю, что нет, ведь, строго следуя их трактовкам, мы не только отягощаемся крайностями свойственного им историцизма (неизменными историческими тенденциями), которые указывают либо на невозможность народного самоуправления в государстве, либо на его неизбежность, но уже вне государства и права, но и увязываем правосубъектность народа с ее прямым признанием законом. Трудно представить, чтобы политическое представительство добровольно отказалось от руководящих привилегий, а государство и право исчезли в обозримом будущем. Позитивное право также четко не раскрывает правосубъектности народа, маскируя ее декларативными формулировками

и ставя в прямую зависимость от органов государственной власти и управления. По этим причинам в указанных традициях вести речь о признании народа единым субъектом права нельзя.

Остается лишь народно-демократическая доктрина, в которой думаю отыскать опору для решения стоящей задачи. Ее суть заключена в восприятии народа *правлящей* социально-правовой общностью, при которой институт политического представительства выполняет функции вспомогательного, подконтрольного инструмента, используемого для *формирования* и *изъявления* воли граждан [5, с. 52–54]. Государственный аппарат также формально не играет роли генератора собственной политической воли, превалирующей над мнением народа. Последний не только вправе одобрить или отклонить законодательные и управленческие решения своих представителей, но способен также предложить их инициативно в коллективном порядке.

При всех очевидных достоинствах данной идеи о правлении граждан в государстве в ней имеется ряд «неудобных» моментов.

Во-первых, классические народно-демократические доктрина и теории, признавая народ социально-правовой общностью, продолжают рассматривать его совокупностью стратифицированных граждан. Единой волей, свойственной субъекту права, она не наделяется. Поэтому идея народовластия тут трансформировалась в идею *граждановластия*, в которой единый правящий коллективный субъект распадается на многосубъектную совокупность индивидов.

Во-вторых, это представление оказалось под сильным влиянием традиций позитивизма и юснатурализма. Поддержанный ими многосубъектный образ народа (совокупности граждан, людей или избирателей) не только показал таковой разобренным до индивидуальности субстратом, а иногда и правовой абстракцией [6, с. 43], но в такой трактовке был заимствован писаным правом. В этом вопросе классические либерально-демократическая и народно-демократическая доктрины и теории оказались по одну сторону баррикады, придерживаясь механического воззрения на общество и государство.

Однако совокупность, даже абстрактная, не всегда подразумевает внутреннее единство. В мире сложных предметов форма часто включает содержание как просто сумму без всяких внутренних связей. Утрачивается форма — переформируется содержание. Возможно ли подобное в социальном мире? Случаев распада государств из-за междоусобного несогласия их граждан масса. В недавнем прошлом так распались СССР, Югославия, Чехословакия, Судан и др. Их народы утратили внутреннее единство, после чего исчезло их государство.

В правовой абстрактности еще проще. Вместо реальных войн тут безжалостно действует формальная логика. Без юридических *допущений* она просто не отождествляет понятия «народ», «избирательный корпус», «совокупность людей или граждан», наделяя каждое из них индивидуализирующими признаками.

Итак, основным препятствием признания народа коллективным правосубъектом в теории и практике стал довлеющий механический подход (простое сложение) в понимании его сущности, опирающийся больше на индивидуальное,

чем на коллективное бытие человека. Он многократно усилился неясностью научных представлений о *первоисточнике* права. Таковым выставлялись политическое представительство, Божественный закон, природа, мир абсолютных идей (вещь в себе, мировой дух и т. п.), основная норма (нормативизм Кельзена) и прочее, но только не народ. В результате, социальная инженерия в попытке достижения провозглашенного идеала — народовластия перманентно оперирует сомнительными методиками и разнокалиберным инструментарием.

Искоренить прижившийся в науке механический подход трудно. Одной статьей тут не обойтись. Для этого потребуется не только откорректировать парадигму, но и обновить ее категориальный аппарат. Иногда сдерживающей причиной выступает «общепризнанность» [7, с. 73] определенных трактовок в науке. Сомнений в ее необходимости нет, и для многих она выступает «контрамаркой» в научный клуб. Но, порой она консервирует исследовательский взгляд на проблему настолько, что препятствует появлению иных, даже логически выверенных воззрений. Как тогда соблюсти баланс таких общепризнанных научных принципов, как разнообразие взглядов с собственным решением проблемы и преемственности?

В нашем случае, аргументируя положение о том, что народ (гражданское общество) является не совокупностью, а социальной общностью — основанной на внутренних принципах и законах общностью, начинать нужно с основ.

Так, *сущность* предмета или явления представляется категорией, формирующей содержание идеи-предположения (доктрины). Выводя ее из простой множественности относительно народа, мы прямо переносим признаки частности (индивида) на всю общность (гражданское общество), чем совершаем серьезную логическую ошибку: общность становится суммой, а государство — «сосудом», объективированной формой пребывания стратифицированной совокупности. При этом речи о появлении у последней каких-то новых свойств не идет.

Между тем бытие человека обладает дуализмом, в котором индивидуальность и коллективность представляются социальной *реальностью* и в постоянном противостоянии никогда не могут заместить друг друга. Признавая приоритет одного из указанных принципов в формировании представлений о государстве и праве как социальных регуляторах, мы взращиваем семя их вечного спора вместо того, чтобы следовать правилу «золотого сечения» — идеальной пропорциональности, осью которой выступает народ. Государство есть форма его организации, право — инструмент внутреннего единства. Ни одно из них не замыкается лишь на индивиде.

По этой причине категория «коллективность» должна заменить совокупность в определении сущности народа. Она покоится не на простой множественности, но имеет связующее индивидуальности звено — *политико-правовой порядок*, определяющий характер межличностных связей, исходя из *единых* организационных начал. Отсюда единство воспринимается конкретизирующим коллективность признаком. У индивидуальности он не проявляется.

Организационными началами коллективности выступают межличностные аксиологические установки, сближающие индивидов по различным

основаниям (религиозным, нравственным, правовым и т. п.) при совпадении их представлений о должном. Понятно, что появление таких установок простая совокупность людей не предполагает.

Использованный философский прием позволяет в нейтральной среде сформулировать целостное представление о *социальной общности — упорядоченной на основе единых организационных начал (межличностных аксиологических установок) коллективности индивидов*.

Порядок в межличностных связях есть специфическое свойство, отделяющее коллективность от совокупности. Возникает он в отношениях между индивидами — совокупность превращается в коллективность, разрушается — наблюдается обратное действие. Такой процесс можно называть разнонаправленным социальным «метаморфозом». В нем индивид выступает первичным, но неизменным элементом лишь благодаря своему правовому контрасту на фоне коллективности.

Коллективная *сущность* «огосударственного» народа проявляется в **гражданстве** — принадлежности человека к конкретному политико-правовому сообществу людей, пребывающему в форме государства, характеризующему устойчивой публично-правовой связью. Народ — гражданская коллективность (сущность), государство — форма пребывания сущности (явление). Сущность и явление взаимоопределяются через внутреннюю связь — порядок, раскрываются через него как *содержание и форма*, как *причина и следствие*. В таком воззрении на народ и государство раскрывается *социально-правовой подход*.

Публично-правовая связь присуща и иным социальным общностям договорного строя (семьям, родам, племенам, народностям). Только основанием их коллективности выступает *родство*, а не гражданство. Через гражданство они объединяются в государство — ныне высшую форму социального бытия.

Экстраполяция данных рассуждений в область исследования народно-демократической доктрины логически обновит ее. Суть предлагаемой правки состоит в признании народа как общности коллективным политико-правовым субъектом, обладающим собственными уникальными признаками.

В обновляемой доктрине к таковым следует отнести уже знакомые нам, но несвойственные индивиду способности народа к *самоорганизации* и *самоопределению* в следующих трактовках.

Самоорганизация народа есть процесс формирования единых публичных организационных начал в человеческой среде. Она выступает вполне реальным социальным феноменом, возникающим при совпадении интересов и желаний отдельных людей. Стремление к их реализации большей совокупностью индивидов порождает у них схожие представления и действия, направленные на получение общего результата. Нет внешних (несоциальных) сил, принуждающих людей к взаимодействию, но есть внутренний мотив их единения, выраженный в попытке сообща установить обязательные для всех правила поведения, определить механизмы и средства их практической реализации.

Самоопределение народа видится процессом коллективного выбора способа социального управления. Будет ли таковым политическое представительство с императивным мандатом или самоуправление, либо их смешение — решать народу. Иногда такой выбор выступает следствием эволюционного развития в режимах «по умолчанию» и «непротivления», временами — революционного пути, сопровождающегося активным участием масс в решении общественных вопросов.

Самоорганизация и самоопределение выявляют еще один признак народа, подчеркивающий его коллективность и отличающий от социальной совокупности. Это *устойчивость* государственной формы его единения. Она — условие практической реализации межличностных аксиологических установок в *пространстве* и *времени*, создающих определенный политико-правовой режим.

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что *народовластие* представляет собой политико-правовой режим, коллективно устанавливаемый народом в процессе своей государственной самоорганизации и самоопределения для решения общих дел через формирование межличностных аксиологических установок, выбор публичного способа социального управления и его реализацию.

Сухость приведенной формулировки пугать не должна, ведь она является только связывающей его базовые категории нитью. Их содержательное наполнение формирует определенный облик исследуемого явления, что напрямую способствует правовой субъективации народа.

Политико-правовыми принципами обновленной доктрины должны стать: «народоцентризм» политики и публичного права; формальная независимость процесса формирования и изъявления воли граждан от политического представительства; самоуправление народа на всех уровнях принятия нормотворческих и управленческих решений, через их обязательную всенародную легитимацию в случаях, когда таковые затрагивают публичные интересы широких масс.

Обоснование данных предложений просто: они направлены на признание за народом — первосубъектом политической и правовой самостоятельности, по сути, — его коллективной самоидентификации.

Общая теоретическая развертка обновленной доктрины должна стать следующим этапом корректировки научных представлений о народовласти и роли в нем коллективных правосубъектов. И вот почему.

Доктрина в развитии конкретизируется через придание знаниям новой формы — теории, в которой идеи-предположения либо находят подтверждение, либо опровергаются. Этот процесс связан с выявлением *свойств* и *связей предметов (явлений)* на научно-фактической основе, выдвижением и проверкой гипотезы, определением закономерностей. Опровержение теорий происходит примерно так же.

Рискуя навлечь на себя шквал критики, все же озвучу очевидный факт: современных отечественных научных теорий, прямо раскрывающих проблему коллективной правосубъектности в отношении социальных общностей или доказывающих невозможность существования таковой по вышеуказанной схеме, нет. Наработки советской теории права в этой области не могут

использоваться в неизменном виде после смены политического строя в России, установления режима представительного правления и самой парадигмы. Правда, в ней просматриваются как отрицательные моменты (наделение народа статусом «неюридического» субъекта), так и положительные обоснования (возможность объяснения его правосубъектности посредством особых правовых конструкций).

В связи с этим все ныне встречающиеся в специальной литературе утверждения о наличии у народа правосубъектности или ее отсутствии требуют обновленной развернутой теоретической детализации. Общих упоминаний о том, что он является субъектом конституционных, политических, общественных и иных отношений, явно недостаточно.

Более простых по структуре теорий в рамках классической народно-демократической доктрины — множество (делиберативная, консоциативная, правового государства и проч.), но все их объединяет одна особенность. Они рассматривают народовластие лишь интегративным *процессом* (организованным взаимодействием) индивидов на основе и по поводу права и власти. Вопросы коллективной правосубъектности в них, как правило, обходятся стороной. Поэтому построить и исследовать с их помощью модель народного самоуправления вряд ли получится. Их интегративный подход нуждается в дополнении подходом эссенциальным. Без познания сущности народа-первосубъекта на теоретическом уровне реализация конституционного принципа народовластия невозможна.

Задача эта отягощается еще одной серьезной проблемой: классические схемы юридической науки иногда не охватывают реальной правовой действительности [8, с. 175–176]. Такой же погрешностью страдают юридические нормы. В нашем случае этот пробел проявляется не только в нерешенности проблемы *коллективной правосубъектности* социальных общностей, но и в отсутствии юридических норм, прямо раскрывающих данное свойство народа. Вот мы и восполняем его то механическим подходом, то конструкциями юридического лица или органа. Отсюда и появились предположения о том, что государство — юридическое лицо народа [9, с. 53]. И это не критика, а констатация реального факта: научной инструментарий, описывающий правовое положение самоуправляющихся социальных общностей, крайне несовершенен. Рамки организации (юридического лица) для них тесноваты по ряду формальных причин (процедуре субъективации, подконтрольности органам власти, формам участия в общественном управлении и т. п.). Восприятие же народа коллективным органом — еще более условное предположение, обосновать которое сегодня практически невозможно.

Поэтому в вопросе выбора адекватной правовой формы идентификации народа и иных социальных коллективных правосубъектов вообще не следует прибегать к конструкциям *лица* (физического или юридического) или *органа*, т. к. без нормативного допущения они не объясняют качественного отличия коллективной и индивидуальной воли правосубъектов. Настоящий ответ получим, разработав собственную форму субъективации коллективных образований — правовую конструкцию *общности*. Тут оправданы использование опыта и заимствование определенной терминологии советского государственного

права, воспринимавшего таковые социальными общностями [7, с. 10]. Можно придать данной категории дополнительный оттенок через новую формулировку — «*публично-правовая общность*» — устойчивое, самоорганизующееся и самоопределяющееся сообщество граждан, обладающее возможностью самоуправления в публично-правовой сфере. Впрочем, предложенный термин весьма условен и может дорабатываться научным сообществом.

Отсюда просматривается зависимость: для реализации обновленной народно-демократической доктрины требуется разработка одноименной теории, стержнем которой выступит коллективная правосубъектность публично-правовой общности. Первая из них раскроет сущность и природу народного самоуправления, вторая — обоснует правовую конструкцию коллективно правящего субъекта. Только после этого появится возможность принципиально изменить парадигму, прописать в позитивном праве нормативные установления, раскрывающие непосредственные юридические механизмы, реализующие права народа как носителя суверенитета и источника всякой власти в государстве, участвующего в принятии наиболее важных законодательных и управленческих решений. До этого момента заявленные в 1993 г. конституционные нормы-принципы будут носить более программный характер.

Теоретические исследования правосубъектности публично-правовых общностей в рамках народно-демократической доктрины должны затрагивать следующие проблемы:

- признания народа первосубъектом публичного права;
- выявления структуры его правосубъектности и содержания ее элементов;
- определения круга публично-правовых общностей-субъектов;
- правового освоения обновленных теоретических представлений на уровне юридической догмы и практической юриспруденции.

Предлагаемый перечень вопросов не является исчерпывающим и в контексте упомянутой теории самоуправления народа, вне всяких сомнений, будет расширен.

Концептуально раскроем видение указанных проблем.

Положение о *народе-первосубъекте* логически выстраивается из конституционного принципа народовластия. Таковой содержится в текстах основного закона большинства современных республиканских государств. Однако в реальности, наделяя народ высшим публично-правовым статусом, мы почему-то отказываемся признавать в нем полноценный субъект правоотношений. Без политического представительства, государства и его органов, а также юридических лиц — учреждений подавляющему большинству государствоведов он видится метафизической категорией. Причина этого — в инертности парадигмы юриспруденции, в ее позитивистской зависимости. Начиная с первой четверти XX в. наука в большей мере видит фактической базой своих исследований нормативный и правоприменительный материал, пытается через него обосновать многие социально-правовые явления. В итоге получается, что пока позитивное право не формализует статус сложившихся социальных институтов или не признает правового статуса определенного субъекта, теория занимает конформистскую позицию.

Случай с народом тому яркий пример. Советская наука в лице большинства своих представителей считала, что круг субъектов права определяется нормами, санкционированными государством. Через них законодатель наделял правосубъектностью индивидов, органы, социальные образования, общности и т. д. Осталось понять, кто он — таинственный «законодатель»: народ или политическое представительство? За расхожим термином кроется понятийная неопределенность.

С позиции народно-демократической доктрины пребывающий в форме государства народ сам устанавливает публичные правила. Однако советская наука руководствовалась иной доктриной, в которой такие правила устанавливались государством, т. е. средством («машиной»), системой органов, но не формой публично-правовой организации народа. В нем законодателем выступало все то же политическое представительство — советы трудящихся, пусть и формируемое общественным большинством. Их руководящая роль сомнению не подлежала даже с учетом императивности мандата. Поэтому прямая субъективация народа была невозможна. Его «лицами» стали государство (как структура), публичные органы и организации. В подавляющем большинстве случаев авторы перечисляли их как однопорядковые, тогда как народ и иные социальные общности (трудовые коллективы, общественные организации и т. д.), хоть и упоминались, но общего признания в науке не получили.

Не вдаваясь в критерии классификации, хотелось бы указать их логическую странность. Получалось, что даже в случае признания народа субъектом он вступал в правоотношения с государством-субъектом. С точки зрения народно-демократической доктрины это нереально, ведь тогда бы мы наблюдали контакт субъективированных *содержания* и *формы*. Но с позиции допущений юридического позитивизма такая связь оказалась возможной. Пребывающая в его традиции советская юриспруденция развела их, компенсировав утраченную половину новой. Государство нашло свое содержание в системе органов, народ обрел форму в совокупности индивидов.

Затруднение также вызывал поиск основания правосубъектности. В государственном праве она увязывалась с признанием законом, с осуществлением функций государственной власти, с политической правоспособностью и т. п. Словом, все сводилось к определенной причастности к государству как системе публичных органов. В результате такого подхода за народом стала признаваться лишь «общественная компетенция» [10, с. 97] (неюридические права), а политическое представительство стало его признанным «лицом».

Между тем остались незамеченными другие наработки, позволяющие раскрыть самостоятельную правосубъектность народа.

В. Я. Бойцов в свое время высказал интересную мысль о том, что урегулированные правом общественные отношения автоматически получают юридическую форму, в которой все участники обретают собственную правосубъектность [7, с. 103]. Она представляется системной категорией с устоявшейся структурой, стержнем которой выступает правоспособность, объединяющая в себе возможность субъекта выступать носителем прав и обязанностей. Логическое упрощение приведенной формулировки следующее: *способность равна соотношению возможностей и обязанностей*. Отсюда вытекает, что

правоспособность есть абстракция, выраженная теоретической конструкцией. Ее реальное социальное значение раскрывается лишь в правоотношениях, возникающих на основе отраслевых норм, прямо определяющих конкретные возможности и обязанности правосубъектов. Получается, что отсутствие специальных норм, раскрывающих правосубъектность в практическом плане, не предполагает полное отсутствие таковой [11, с. 258].

Российский народ, формально выступая автором конституции, нормативно отнес себя к основным участникам публично-правовых связей, определив собственную правосубъектность как *общую*, т. е. с неконкретизированным кругом субъективных прав и юридических обязанностей. В ней раскрывается его публично-учредительный статус источника *всякой* власти и носителя суверенитета. Этим актом народ переформатировал в позитивном праве свои «неюридические», в том числе и политические возможности, установив форму взаимодействия коллективной автаркии с иными правосубъектами — референдум и выборы, более различаемым поводом, чем механизмом реализации. Через эту форму происходит персонификация народа как субъекта, в ней наблюдается коллективная самоидентификация его граждан.

Коль скоро народ стал автором основного закона и сам определил форму своей субъективации, а также общие правовые возможности и обязанности всех контактирующих с ним субъектов, то его следует считать правосубъектом.

Возникает вопрос: необходима ли отраслевая нормативная конкретизация правосубъектности народа? Однозначного ответа нет. С одной стороны, в этом нет необходимости, т. к. правовые возможности всех правосубъектов прямо или опосредованно зависят от воли народа. В этом и есть смысл народовластия — главного права народа. С другой стороны, ощущается потребность установления границ его специальной правосубъектности, особенно в общении с политическим представительством. Такая нормативная регламентация должна не опираться на какие-то нормы, обладающие высшей юридической силой, а скорее придерживаться правового принципа: *всякое расширение компетенции органов публичной власти, затрагивающее интересы масс, подлежит согласованию с народом*. В этом и видится легитимация деятельности органов управления.

Пристатейный библиографический список

1. *Милль Дж. С.* Размышления о представительном правлении. СПб. : Типография Ю. А. Бакрама, 1863.
2. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб. : Издание книжного магазина Н. К. Мартынова, 1909.
3. *Нерсесянц В. С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3—15.
4. *Кокотов А. Н.* Русская нация и российская государственность. Екатеринбург : Издательство Уральского государственной юридической академии, 1994.
5. *Дюнан А.* Народное законодательство в Швейцарии: исторический обзор. СПб. : Типография Альтшулера, 1906.

6. *Черепанов В. А.* Проблемы российской государственности: опыт системного исследования. М. : Норма, 2018.

7. *Бойцов В. Я.* Система субъектов советского государственного права. Уфа: Башкнигоиздат, 1972.

8. *Матузов Н. И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1972.

9. *Мамут Л. С.* Народ в правовом государстве. М.: Норма, 1999.

10. *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права : курс лекций. Вып. 2. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964.

11. *Флейшец Е. А.* Соотношение правоспособности и субъективных прав / Вопросы общей теории советского права : сборник статей. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960.

References

1. *Mill' Dzh. S.* Razmyshleniya o predstavitel'nom pravlenii [Reflections on representative government]. SPb. : Tipografiya YU. A. Bakrama, 1863.

2. *Korkunov N. M.* Lekcii po obshchej teorii prava [Lectures on the general theory of law]. SPb. : Izdanie knizhnogo magazina N. K. Martynova, 1909.

3. *Nersesyanc V. S.* Filosofiya prava: libertarno-yuridicheskaya koncepciya // Voprosy filosofii [Philosophy of law: libertarian legal concept // Philosophy Questions]. 2002. № 3. S. 3–15.

4. *Kokotov A. N.* Russkaya naciya i rossijskaya gosudarstvennost' [Russian nation and Russian statehood]. Ekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii, 1994.

5. *Dyunan A.* Narodnoe zakonodatel'stvo v SHvejcarii: istoricheskij obzor [People's legislation in Switzerland: a historical review]. SPb. : Tipografiya Al'tshulera, 1906.

6. *CHerepanov V. A.* Problemy rossijskoj gosudarstvennosti: opyt sistemnogo issledovaniya [Problems of Russian statehood: the experience of system research]. М. : Norma, 2018.

7. *Bojcov V. YA.* Sistema sub'ektov sovetskogo gosudarstvennogo prava [The system of subjects of the Soviet state law]. Ufa : Bashkniгоizdat, 1972.

8. *Matuzov N. I.* Lichnost'. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemy sub'ektivnogo prava [Personality. Rights. Democracy. Theoretical problems of subjective law]. Saratov : Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1972.

9. *Mamut L. S.* Narod v pravom gosudarstve [People in a state of law]. М. : Norma, 1999.

10. *Alekseev S. S.* Obshchaya teoriya socialisticheskogo prava : kurs lekcij. Vyp. 2 [The general theory of socialist law: a course of lectures. Issue 2]. Sverdlovsk : Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1964.

11. *Flejshec E. A.* Sootnoshenie pravospособности i sub'ektivnyh prav [The ratio of legal capacity and subjective rights] / Voprosy obshchej teorii sovetskogo prava : sbornik statej. М. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1960.